

КАРЬЕРНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ МОЛОДЁЖИ, ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

.....

А. Н. Дёмин¹

В статье рассматриваются особенности соотношения образовательных и должностных притязаний выпускников школ и колледжей с объективными показателями высшего образования и рынка труда Краснодарского края до и в течение финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. В частности, установлено, что в период кризиса завершилась конвергенция показателей образовательных притязаний обеих групп молодёжи с объективными показателями высшего образования. В свете полученных данных обсуждаются перспективы высшего образования.

Ключевые слова: молодёжь, образовательные притязания, должностные притязания, сфера высшего образования, рынок труда, финансово-экономический кризис.

The article presents school and college graduates' education and job aspirations peculiar correlations with objective indicators of higher education and labor market of the Krasnodar Territory before and during 2008-2010 crisis. It is established particularly, that during the crisis period the convergence of the indices of educational aspirations of both groups of young people with objective indices of higher education finished. The data obtained allow the discussion on the prospects of higher education.

Key words: youth, educational aspirations, job aspirations, higher education, labor market, financial and economic crisis.

Круг вопросов, интересующий автора статьи, охватывает взаимодействие карьерных притязаний молодёжи с институтами образования и рынка труда в постсоветский период. Для изучения этих вопросов используется идея о совмещении динамических рядов психологического и социально-экономического [3; 4; 5], что позволяет оценить степень синхронизации/десинхронизации психологических характеристик больших социальных групп и показателей социально-экономических институтов, определить статус (доминантный, пари-

¹ Дёмин Андрей Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ. Эл.почта: demin@manag.kubsu.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Влияние карьерных притязаний молодёжи на социальные институты в условиях финансово-экономического кризиса»), проект № 11-06-00734а.

тетный, ведомый) психологического во взаимодействии с непсихологическим на тех или иных интервалах времени.

Организационно и методически эта идея воплощается, с одной стороны, через проведение регулярных (раз в пять лет) опросов на выборках кубанской молодёжи с использованием идентичного инструментария, направленного на измерение притязаний, планов и других психологических характеристик молодых людей (подробное описание выборок и методов см. в [2; 4; 9]); с другой стороны, через сбор ежегодных статистических показателей о состоянии сферы образования и рынка труда Краснодарского края, релевантных психологическим характеристикам молодёжи.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в постсоветский период образовательные и должностные притязания таких групп молодёжи, как выпускники общеобразовательных школ и колледжей, были скорее доминантными и паритетными, чем ведомыми во взаимодействии с институтами высшего образования и рынка труда. В известном смысле можно говорить о влиянии психологического на социально-экономическое, что подтверждает значение психологических факторов в жизни современного российского общества, показанного в ряде исследований (В. Д. Попов, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич и др.).

Наименее исследованными и наиболее интригующими остаются вопросы о механизмах, границах, эффектах влияния психологического на социально-экономическое. Высказывается мнение, что степень этого влияния зависит от близости ценностей той или иной группы населения к реализуемой социальной и экономической идеологии — в этом случае облегчается институционализация групповых ожиданий (С. Гор), но в целом дефицит психологических исследований подобного рода очевиден. Требуется как накопление эмпирических данных, так и поиск объяснительных схем. Например, Д. Дулей и Р. Каталано, рассматривая обсуждаемую проблему в контексте *community psychology*, полагают, что население и социальные институты находятся в отношениях подвижного взаимного контроля [11]. Данный подход может оказаться весьма продуктивным.

Масштабные изменения внешних обстоятельств тяжело переживаются людьми, но одновременно создают возможности для исследования устойчивости-неустойчивости различных тенденций, выявления факторов и механизмов их реализации. Резкое изменение социально-экономических условий с 2008 г. (начало финансово-экономического кризиса, окончание «тучных лет») привело к ухудшению ситуации на рынке труда, инициировало ужесточающуюся политику государства в сфере профессионального образования. Мы исходим из того, что если в этих условиях соотношение карьерных притязаний молодёжи и показателей социально-экономической сферы начнёт меняться или, напротив, не будет меняться, то проявится сила и устойчивость влияния одних по отношению к другим.

Учитывая высказанные соображения, сформулируем цель статьи: изучить особенности взаимодействия карьерных притязаний выпускников школ и колледжей объективными показателями региональных систем высшего образования и рынка труда в условиях финансово-экономического кризиса (2008–2010 гг.); соотнести выявленные особенности с тенденциями, характеризующими более ранний постсоветский период, и оценить степень устойчивости этих тенденций.

В качестве исходных гипотез выступили следующие предположения.

1. В условиях финансово-экономического кризиса образовательные притязания молодёжи скорее всего сохранят своё влияние на институт высшего образования. Гипотеза базируется на том, что в период 1990–2006 гг. наблюдалась неуклонно возрастающая конвергенция показателей высшего образования с более высокими образовательными притязаниями школьников и студентов колледжей, что должно было привести к высокой степени институционализации, как следствие, инерции данного соотношения.

2. Соотношение должностных притязаний молодёжи с показателями рынка труда может оказаться менее устойчивым, поскольку ранее оно было скорее паритетным, чем доминантным и, следовательно, менее институционализированным, более зависимым от макроэкономических влияний.

Последний опрос молодёжи был проведён в 2011 г. (389 11-классников, 333 студента выпускного курса колледжей), последние доступные статистические показатели приходятся на 2010 г., что позволяет сравнить взаимодействие психологического и социально-экономического до и в течение финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.

Образовательные притязания и сфера высшего образования

Данные, собранные в 1990–2006 гг., свидетельствуют о возрастающей конвергенции притязаний школьников и выпускников колледжей на получение высшего образования и релевантного им показателя институциональной доступности высшего образования (ИДВО)² для молодёжи.

Так, показатели притязаний выпускников школ на высшее образование составляли 82% в 1990 г.³ и 92,6% в 2006 г. (рис. 1). Аналогичная картина наблюда-

² ИДВО демонстрирует место высшего образования как института социализации в структуре жизненного пути и профессионального развития молодёжи, проживающей в данном регионе. Значение ИДВО в каждый конкретный год определяется через отношение численности студентов, принятых в вузы, к численности учащихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, окончивших общеобразовательные учреждения, профтехучилища и техникумы; полученная величина умножается на 100. Таким образом, ИДВО отражает долю принятых в вузы среди тех, кто получил аттестат о среднем общем образовании в соответствующем году; данный показатель сопоставим с показателем образовательных притязаний молодёжи – и в том, и в другом случае определяется удельный вес людей с соответствующим социальным статусом (достигнутым и желаемым) в изучаемой популяции.

³ Относительно школьников существует немало данных, показывающих, что высокий уровень их образовательных притязаний сформировался ещё в советский период [1; 7; 8; 10].

лась в группе выпускников колледжей: в 1996 г. (до этого их притязания не измерялись) 66,1% считали достаточным для себя уровень высшего образования, в 2006 г. таких стало 83,9%.

Показатель ИДВО в 1990 г. составлял 17%, в 1996 г. он вырос до 29%, а в 2006 г. — до 66%.

И в случае с выпускниками школ, и в случае с выпускниками колледжей разрыв между уровнями притязаний и показателями институциональной доступности высшего образования последовательно и ускоренно сокращался. Выявленные соотношения позволили сделать вывод, что притязания этих групп молодёжи, освободившись после шоковых реформ от сдерживающих социальных скреп и фильтров, повели за собой высшую школу, выступили тем рубежом, на который та стала ориентироваться и к которому стала неуклонно и с ускорением приближаться в постсоветский период.

Осенью 2008 г. произошло резкое изменение социально-экономических условий (начало финансово-экономического кризиса, окончание «тучных лет»), это привело к ухудшению ситуации на рынке труда, инициировало ужесточающуюся политику государства в сфере профессионального образования. Отразилось ли это на соотношении притязаний и объективных показателей сферы высшего образования?

В 2011 г. 94,1% выпускников школ притязали на получение высшего образования, т. е. в этой группе прирост притязаний продолжился. Среди выпускников колледжей на получение высшего образования притязали 78,9% опрошенных, что на 5% ниже по сравнению с 2006 г.

На этом фоне показатель ИДВО продолжал быстрый рост: уже в 2008 г. он стал превышать показатель притязаний выпускников колледжей, а в 2009 г. — показатель притязаний школьников, в 2010 г. эта тенденция сохранилась (ИДВО достиг уровня 97,4%).

Таким образом, для группы школьников сформировавшаяся ранее конвергенция показателей притязаний и высшего образования продолжилась и завершилась в период финансово-экономического кризиса, причём субъективное и объективное практически перестали отличаться друг от друга. Для выпускников колледжей конвергенция притязаний и показателей высшего образования также завершилась, но далее наметилась их дивергенция; по-видимому, притязания этой группы, весьма и весьма высокие, уже насыщены.

Ситуация, когда институциональная доступность высшего образования либо сливается с притязаниями потенциальных абитуриентов, либо превышает их, говорит о том, что отечественная высшая школа окончательно перешла в какой-то иной содержательный и функциональный статус по сравнению с тем, что мы наблюдали в советские и первые постсоветские годы. Вузы превратились в корпорации, оказывающие образовательные услуги и действующую

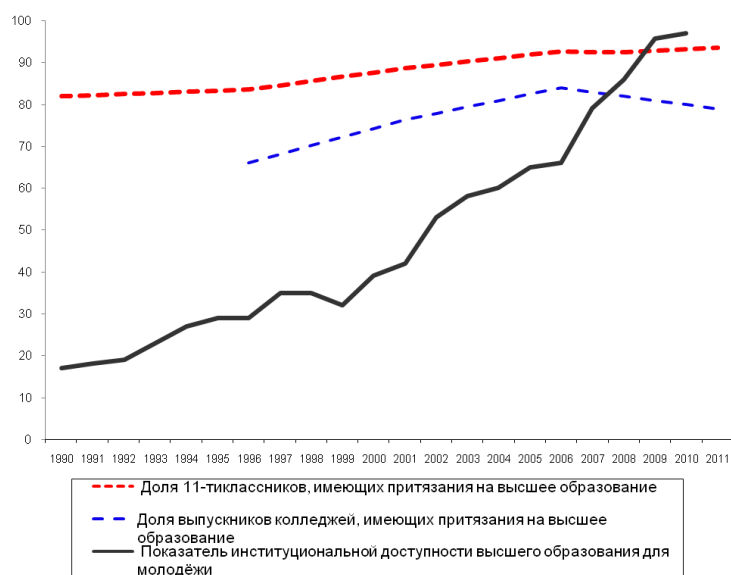

Рис. 1. Притязания групп молодёжи на высшее образование и динамика показателя институциональной доступности высшего образования в Краснодарском крае (1990–2011 гг.)

щие по законам рынка. Соответственно границы между высшим образованием, изначально призванным давать знания, и рынком всё более и более размываются. Разнообразные проявления этого феномена у нас перед глазами:

- стремление вузов всеми доступными средствами удовлетворить спрос на высшее образование;

- включение высшего образования в некую потребительскую норму, т. е. превращение в то, чем должен обладать «каждый порядочный человек» (соответственно, институт высшего образования стимулирует не столько выбор жизненного пути, сколько добор этих статусных благ, наполнение той части потребительской корзины, которая отведена для приобретения символического капитала);

- замена знаний, умений, навыков на компетенции — этот специальный язык корпораций, желающих вложить деньги в сферу образования, непосредственно включить его в свои организационно-технологические циклы;

- растущая ненадёжность занятости преподавателей (в этом аспекте вузы перестали отличаться от промышленных, финансовых, торговых организаций) и т. д.

Должностные притязания и рынок труда

В период 1990–2006 гг. динамика притязаний выпускников школ на должность руководителя предприятия и динамика релевантного им показателя

«вероятность статусного восхождения на рынке труда» (ВСВ)⁴ характеризовались относительной синхронностью, при этом количественная разница между показателями притязаний и ВСВ была очень существенной (рис. 2). Например, в 1990 г. более 30% школьников считали для себя достаточной должностью руководителя предприятия, а показатель ВСВ составлял 0,4%; в 1996 г. соотношение было 32% против 4,72%, в 2001 г. — 37,4% против 5,47%, в 2006 г. — 41,3% против 5,68%. Получается, что должностные притязания значительной части выпускников школ, с одной стороны, отражали общую направленность процессов на рынке труда (увеличение числа организаций и, следовательно, возможности занимать руководящие должности), т. е. в формировании притязаний в определённой мере присутствовал «принцип реальности». С другой стороны, эти притязания значительно превосходили рыночные возможности, были свободны от внешних ограничений, т. е. одновременно с «принципом реальности» они строились по «принципу удовольствия».

Действие «принципа удовольствия» можно рассматривать в контексте более общего феномена революции притязаний, произошедшей ещё в период перестройки и заключающейся в кратном увеличении должностных, финансовых, материальных притязаний молодёжи по сравнению с доперестроечным периодом [6]. Расчёты показывают, что в 1990–2000-е гг. произошло трёх-четырёхкратное возрастание должностных притязаний школьников Краснодарского края по сравнению с серединой 1980-х гг.

В группе выпускников колледжей в 1990–2000-е гг. также зафиксированы относительно высокие уровни должностных притязаний. Например, в 1996 г. 24,6% выпускников колледжей считали для себя достаточной должностью руководителя предприятия. К 2006 г. их притязания подросли до 27,4%; в целом динамику притязаний можно оценить как синхронную показателям ВСВ.

Опрос 2011 г. показал, что на должность руководителя предприятия сейчас притязают 34,4% выпускников школ, т. е. этот показатель понизился до значений второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., но по-прежнему остаётся чрезвычайно высоким. Показатель ВСВ демонстрировал следующую динамику: в 2007 г. он составил 4,49%, в 2008 г. — 4,81, в 2009 г. — 4,72, в 2010 г. — 4,97%. Получается, что в соотношении должностных притязаний школьников и процессов на рынке труда в период финансово-экономического кризиса наметилась конвергенция.

⁴ Показатель ВСВ рассчитывается как отношение числа организаций к численности населения, занятого в экономике края; полученная величина умножается на 100. Мы исходили из того, что этот показатель более других соответствует должностным притязаниям человека, поскольку любое предприятие имеет высшее руководящее звено. Других прямых данных о количестве руководителей найдено не было; только в последние годы стала появляться статистика о количестве руководителей (представителей) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций, но этого недостаточно для изучения всего интересующего нас периода.

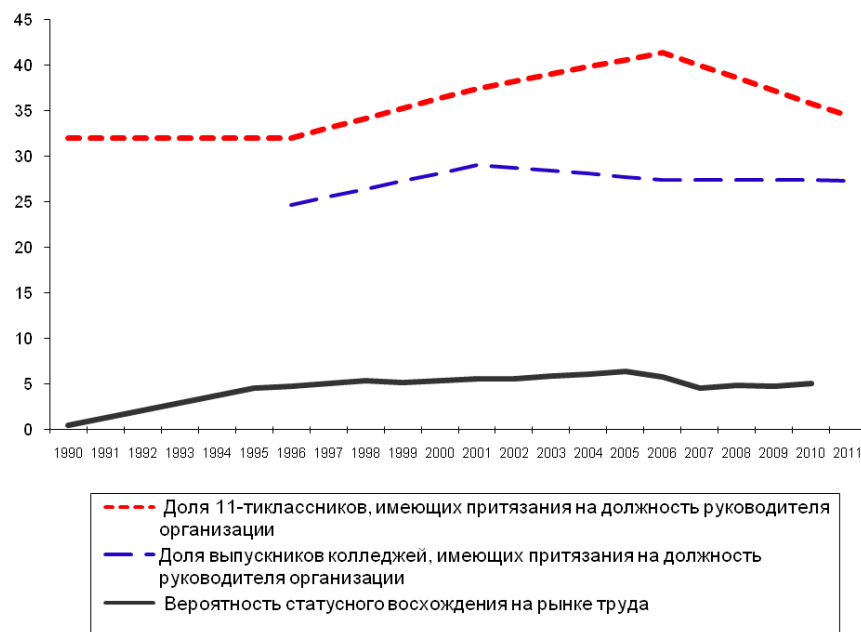

Рис. 2. Притязания групп молодёжи на должность руководителя предприятия и динамика вероятности статусного восхождения на рынке труда Краснодарского края (1990–2011 гг.)

В группе выпускников колледжей притязания остались на докризисном уровне (27,3%). Учитывая колебания показателей ВСВ после 2006 г., можно сказать, что в этот период для данной группы характерны отношения скорее синхронности, чем асинхронности (конвергенции, дивергенции) притязаний с процессами на рынке труда.

Итак, собранные данные свидетельствуют о том, что в период финансово-экономического кризиса для группы выпускников школ соотношение должностных притязаний и показателей рынка труда стало меняться, но это изменение не выходит за границы открытого в период перестройки феномена революции притязаний. Для группы выпускников колледжей рассматриваемое соотношение осталось прежним (паритетным).

Подведём итоги. Согласно результатам исследования в условиях финансово-экономического кризиса образовательные притязания выпускников школ сначала сохраняли свой доминантный статус по отношению к показателям высшего образования, затем произошло их фактическое слияние на предельно высоком уровне, в рамках которого невозможно определить, что является ведущим, а что ведомым. Это особое состояние отечественного института высшего образования.

Образовательные притязания выпускников колледжей потеряли свой доминантный статус по отношению к показателям высшего образования, по-видимому, достигнув предела своего насыщения. В настоящее время они выступают, видимо, в роли одной из платформ для процессов в высшей школе.

Таким образом, для выпускников школ первая гипотеза скорее подтверждается, чем не подтверждается (потому что статус их притязаний пока не претерпел существенных изменений), а для выпускников колледжей — не подтверждается.

О результатах проверки второй гипотезы делать выводы, с нашей точки зрения, преждевременно. Требуются показатели ВСВ за 2011 г. (они будут доступны только в 2012 г.). Всё же отметим тенденцию к её подтверждению для группы выпускников школ: финансово-экономический кризис оказал некоторое влияние на соотношение их должностных притязаний с релевантным показателем рынка труда; возможно, их притязания переходят из статуса паритетных в статус ведомых по отношению к этому показателю.

В заключение ещё раз обратимся к взаимодействию образовательных притязаний молодёжи с процессами в высшей школе. То, что для самой многочисленной и влиятельной группы выпускников школ завершилась конвергенция образовательных притязаний и институциональной доступности высшего образования, а для группы выпускников колледжей наметилась их дивергенция, свидетельствует о наступлении нового этапа в развитии отечественной высшей школы.

Мы уже писали о том, что в постсоветский период в рамках так называемого рывка к свободе государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм социально-профессионального отбора и восхождения оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств [4; 5]. Но эта сила не может быть ведущим субъектом образовательной политики — у неё слишком узкий социальный кругозор⁵. Очевидно, что роль государства и бизнеса в регулировании процессов учебной занятости должна быть более весомой, однако ситуация здесь довольно неопределённая.

⁵ Одностороннее влияние этого субъекта на высшее образование в предыдущие годы (см. рис. 1) имеет деструктивные эффекты — не только из-за потери высшей школой селективной функции, из-за перераспределения ресурсов в ущерб другим уровням профессионального образования, но и потому, что за последние 20 лет в недрах высшей школы сформировался новый, внутренне противоречивый и довольно массовый тип молодого человека, выходящего на рынок труда. В этом типе сочетаются: иллюзия лёгкости достижения целей, так как поступить в вуз можно без особой борьбы, без отбора; высокая амбициозность, провоцирующая фрустрированность, поскольку на рынке труда отсутствуют возможности для реализации завышенных амбиций; развитие на этом фоне цинизма, трудовой гипермобильности, профессиональной пассивности.

Если говорить о государстве, то оно пытается усилить функцию регуляции (попытки сократить число вузов, перераспределение бюджетных квот между специальностями, желание сместить акценты с высшего образования на развитие начального и среднего профессионального образования — тому пример). Между тем время для принимаемых решений в значительной степени упущено, и наверняка мы увидим разнообразные способы сопротивления со стороны домохозяйств и вузов. Победитель в этой борьбе в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе неочевиден.

Участие бизнеса в регулировании отечественного образования пока незначительно, хотя объективные предпосылки для этого сложились (см. о размывании границ между образованием и рынком).

Если предположить, что государство и бизнес окажутся последовательными и успешными в регулировании, в частности, сферы высшего образования, то весьма тяжёлой будет адаптация молодёжи и их семей к новой ситуации, в которой реализация образовательных притязаний невозможна в прежних объёмах. Способны ли государство и бизнес обеспечить приемлемые, привлекательные места обучения в средней и начальной профессиональной школе, которые могут прийти на замену высшей школе? Пока мы не видим ясной стратегии в этом направлении. Не исключено, что в обёртке высшей школы население в дальнейшем будет получать не высшее, а среднее профессиональное образование.

Библиографический список

1. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988.
2. Дёмин А. Н. Адаптация молодежи к социальным изменениям // Социальные изменения в России и молодежь/науч. ред. В. Магун. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
3. Дёмин А. Н. Историческое время и психологические характеристики человека. Возможно ли их соединение в исследованиях современности? // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
4. Дёмин А. Н. Макропсихологический анализ образовательных притязаний трёх групп кубанской молодёжи // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
5. Дёмин А. Н. Соотношение притязаний школьников с социально-экономическими показателями региона // Вопросы психологии. 2011. № 1.
6. Магун В. С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
7. Магун В. С., Литвинцева А. З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М., 1993.

8. *Некрасов С.Д.* Параметры образа будущего у выпускника современной школы // Человек. Сообщество. Управление. 2010. №3.
9. *Рожков А. Ю., Дёмин А. Н., Самаркина И. В.* Социальные проблемы кубанской молодёжи в условиях изменяющегося общества 1920-х и 1990-х годов. Краснодар: ИЭиУ КГМА, 2004.
10. *Руткевич М. Н., Потапов В. П.* После школы: Социально-профессиональные ориентации молодёжи. М.: Всероссийский научно-практический центр профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, 1995.
11. *Dooley D., Catalano R.* Introduction to underemployment and its social cost // American Journal of Community Psychology. 2003. № 32 (1).